

В.С. Ржеуцкий*

МОСКОВСКИЕ ФРАНЦУЗЫ В 1812 ГОДУ И СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

История французского землячества в Москве периода войны 1812 года представляет интерес для понимания положения иностранцев в России того времени вообще. Но, прежде всего, она показывает, как тогда создавался образ врага, как он воспринимался проживавшими в Москве французами и как повлиял на их судьбу.

* * *

В царствование Александра I правительство не оставляло заботой эмигрантов, думая об улучшении условий переселения и интеграции иностранцев в России, но, с другой стороны, размеры эмиграции и ее цели корректировались: Россию интересовали квалифицированные переселенцы, и в сравнительно небольшом количестве¹.

В начале XIX в. отношения Франции и России переживали острый кризис, достигший своего пароксизма в разгроме русских войск при Аустерлице на исходе 1805 г. Когда же в начале 1806 г. на русские суда во французских портах было наложено эмбарго, а товары, которые они перевозили, были пущены на продажу, российское правительство мгновенно приняло ответные меры. 28 января министр иностранных дел России кн. Чарторыйский официально обратился к французскому генеральному консулу де Лессепсу с предупреждением, что средства защитить своих подданных у русского императора имеются, достаточно вспомнить о множестве французов, торгующих в России, и о состояниях, которыми они владеют². Положение французов, проживающих в России, внушает опасения, отмечает в своих посланиях французский консул. Впервые, кажется, французские дипломатические представители напрямую связывают внешнеполитические проблемы двух стран с положением французов в России и просят Париж о положительном решении проблемы эмбарго³. Слухи о возможных репрессиях против «русских французов» еще более накаляют обстановку,

* *Владислав Станиславович Ржеуцкий, кандидат исторических наук, научный сотрудник Бристольского университета (Великобритания)*

¹ Ср. указы 9 мая 1802 г. // Полное собрание законов, СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. 27. № 20259. «О правилах приема и водворения заграничных переселенцев». А также указы от 6 февраля 1803 г. // Там же. № 20610; от [без даты] февраля 1803 г. // Там же. № 20646.

² Ср.: Archives du Ministère des Affaires Étrangères (далее – МАЕ). CP. Russie. Vol. 145. P. 3 verso.

³ Ibid. P. 8–8 verso.

и несколько французов изымают свои вклады из русских банков⁴. 30 августа 1806 г. подписан указ, в котором дается оценка развитию отношений Франции и России⁵, а 28 ноября того же года Сенат получает новый указ⁶, которым предусматривались меры следующего порядка: запрещение судам Франции и ее союзников входить в российские порты, прекращение действия торгового договора с Францией, экстрадиция французских дипломатов и агентов из пределов империи, а также выдворение всех подданных Франции и ее союзников (имелись в виду выходцы из Голландии, Генуи, Неаполя). Однако из этого числа исключались все те, кто был согласен принести присягу в том, «что они никакого сношения ни посредственно, ни непосредственного во Франции и областях вышеозначенных с подданными тех областей иметь не будут, доколе война продолжится». При этом все те, кто принимал российское подданство, «имеют остаться спокойны под общим покровительством законов и прав, каждому званию и состоянию присвоенных». Имена приносивших присягу и принимавших подданство должны были быть напечатаны в Санкт-Петербургских ведомостях. Учреждались Комиссии для разбора иностранцев, причем важно было успеть принести присягу в течение 8 дней. Давление было сильным, многие в этой ситуации шли на принятие русского подданства⁷. Именно к этому времени относятся и массовые переходы в русское подданство московских французов, в частности купцов, которые много лет спустя заявляли, что были натурализоваться вынужденно⁸.

Конечно, политический контекст эпохи сам по себе давал, казалось бы, веские основания для столь жестких решений. Но в указе также упоминается о проживающих в России французских подданных, которые, находясь под защитой законов Российской империи, злоупотребляли

⁴ Ibid. P. 14.

⁵ Манифест «О предстоящей войне с Францией» от 30 августа 1806 г. // ПСЗ. Т. 29. № 22256.

⁶ Указ от 28 ноября 1806 г. «О высылке из России всех подданных Французских и разных Немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о непропуске оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении Комиссии для разбора иностранцев» // ПСЗ. Т. 29. № 22371.

⁷ ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 781 (Городское депутатское собрание). Оп. 4. Ед. хр. 60. (Книга на записку иностранцев, учинивших присягу на подданство России кои предъявляли виды, данные им из Комиссии для разбора их учрежденной 1806 года). В этом списке около 600 петербуржцев-иностранцев, принявших русское подданство, в большинстве своем французов.

⁸ См. дело о детях Франсуа Гутта, перешедшего в русское подданство в 1806 г. Поскольку все архивы о натурализации москвичей сгорели в пожаре 1812 г., французские купцы, принесшие аналогичную присягу вместе с Ф. Гуттом, подписали тогда акт удостоверяющий, что Гутт принес присягу только за себя, но не за своих детей, которые остались, таким образом, французскими подданными. Этот акт подписали такие известные французские купцы Москвы как Морис Алларт, Франсуа Рисс, Жан-Батист Прори и Александр Демонси. — MAE Paris. Vice-consulat de Moscou. 1827 (неразобранные материалы).

гостеприимством принявшей их страны⁹. В 1805 г. московские купцы направили императору письмо об иностранцах, имевших право торговать в Москве и других городах при условии записи в «иностранные гости». Иностранцев обвиняли в том, что они поедают русское добро, что многие из них недостойны носить имя купца, что они вредны или бесполезны не только для русских купцов, но и для государства российского по причине той разорительной роскоши, которая увеличилась благодаря их изворотливости, из-за всех тех бесполезных, но дорогих продуктов, которые они привозят в Россию, наконец, из-за понижения торгового курса и сокращения государственных доходов. Московские купцы брали на себя обязательство снабдить всю московскую публику необходимыми ей товарами¹⁰. Требования купечества сводились к следующему: запретить в Москве торговать иностранцам и «гостям» из других городов, чтобы только жители Москвы могли торговать в старой столице; иностранные торговцы должны продавать свой товар только в портах и только оптом. В челобитной с возмущением упоминались улицы, наполненные иностранными магазинами и лавками – прозрачный намек на Кузнецкий Мост в Москве, центр французской торговли в этом городе. Купцы возмущались и участием женщин-иностранок в торговле, не называя напрямую ту, которая стала знаковой фигурой в московской торговле тех лет, а именно Мари-Роз Обер-Шальме, прозванную в народе «обершельмой», миллионершу, владевшую известным модным магазином в Москве. Следует признать, что контрабандные товары действительно чаще оказывались на складах иностранных купцов¹¹.

Почти все требования московского купечества были услышаны властью. Манифест 1 января 1807 г. о новых выгодах купечеству существенно урезал права иностранных купцов, вынуждая их принимать русское подданство¹². Иностранцы действительно часто должны были натурализоваться, чтобы иметь возможность торговать в розницу. Конечно, это был шаг вынужденный, что доказывает переход в русское подданство в одиночку, без семьи, практиковавшийся некоторыми купцами. Именно так Обер-Шальме приобрела русское гражданство для себя, но не своих детей¹³.

В дальнейшем общее направление политики Александра I в отношении иностранцев в России не изменится, да и вряд ли оно могло по-

⁹ МАЕ. СР. Russie. Vol. 145. P. 140.

¹⁰ История Московского купеческого общества. Сословно-общественная деятельность купечества в XIX в. М., 1916. Ч. 2. Т. 1. С. 37–39.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² ПСЗ. Т. 29. № 22480.

¹³ Мы видели, что и в случае Франсуа Гутта переход в русское подданство не распространялся на детей.

меняться в известном международном контексте. Незадолго до Отечественной войны, 2 февраля 1810 г., все иностранные ремесленники двух столиц были обложены дополнительным налогом, в размере от 20 до 100 рублей в год¹⁴. Министр народного просвещения граф А.К. Разумовский¹⁵ сделал накануне войны доклад императору, в котором указывал, что дворянство – опора государства – растет под влиянием людей, которых интересуется только доход, получаемый от их профессии, людей, «презирающих все русское» (sic! – *В.Р.*), низкообразованных и безнравственных. Замечая, что почти все пансионы страны содержались иностранцами, министр подчеркивал, что те презирали русский язык, что из-за них русские теряли интерес к своей родине и что, таким образом, пансионы превращали русских в иностранцев. Царем были одобрены предложения министра потребовать от содержателей пансионов обязательного знания русского языка и преподавания предметов на нем.

Принимаемые меры отвечали, конечно, подъему патриотизма в России, который, в сложившейся внешнеполитической ситуации, окрашивался в цвет галлофобии и выступал против галломании и увлечения Наполеоном, которые отнюдь не исчезли с поражением России при Аустерлице.

* * *

Работ, посвященных истории иностранных колоний в России в период войны 1812 г., до сих пор нет, хотя некоторые исследования и публикации и затрагивают этот вопрос¹⁶.

После страшных испытаний 1812 г. французская колония Москвы сильно изменилась. Место покинувших ее французов со временем заняли их соотечественники, привнесшие в колонию культуру новой, посленаполеоновской Франции. Изменились и ветераны колонии: жить в «маленькой Франции» в двух шагах от Кремля было легко до тех пор, пока «большая» Франция появлялась в России в виде книг, вина, предметов роскоши, до тех пор, пока французский язык был для русских языком только Мольера, Расина, Вольтера и Руссо. Когда же Франция вторглась в Россию штыком и солдатским сапогом, когда французский язык стал языком Наполеона, тогда жить на Кузнецком Мосту стало труднее. Наверное, что-то похожее на чувства московских французов 1812 г. ис-

¹⁴ Систематический свод законов Российской Империи. СПб., 1818. Т. 6. С. 42.

¹⁵ Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), граф. В 1810–1816 гг. – министр народного просвещения.

¹⁶ См., например: *Тартаковский А.Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 года // Исторические записки. 1973. № 92. С. 356–379; *Война 1812 года и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции)* Публикация С.Н.Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования. М., 2001. С. 244–359; *Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010.

пытывал во время новой войны — Крымской — один из новых членов московской колонии, когда писал: «Не больно ли видеть, как прекрасная Франция расточает свои богатства и кровь своих детей, чтобы разжечь ту ненависть к нам, которую с трудом затушили тридцать лет мира»¹⁷.

Иностранцев-москвичей ожидала по окончании войны 1812 года недобрая слава. Широко распространилось мнение, что они не покинули Москву с приближением Наполеона¹⁸. Для Л.Н. Толстого, который выразил, думается, самое распространенное мнение, покинуть Москву в те трагические дни означало поступить патриотично¹⁹. Следуя естественной логике, остаться во «вражеской» Москве, уже само по себе значило выразить лояльность захватчикам и поступить непатриотично по отношению к России. Следуя этой логике, иностранцы повели себя не как патриоты России.

Но в списках москвичей, пожертвовавших крупные суммы на нужды русской армии (а значит против Наполеона), мы встречаем имена иностранцев и, прежде всего, французов, как, например, Венедикта Пирлинга (Vénédict Pierling), не пожалевшего 4000 рублей, знаменитую московскую купчиху Обер-Шальме (Aubert-Chalmé), пожертвовавшую 1500 рублей, книготорговцев Луи Мессонье (Louis Meyssonnier), Изарна де Вильфора (Ysarn de Villefort), Лебура (Lebours), Жана Готье (Jean Gautier), пожертвовавших каждый по 1000 рублей, книготорговцев Жана Бува (Jean Bouvat) и Мориса Аллара (Maurice Allart), а также Александра Прево (Alexandre Prévot), Александра Демонси (Alexandre Demoncy), давших по 500 рублей на армию²⁰. Что побудило «русских французов», как их прозвали солдаты Великой армии, пожертвовать такие крупные для того времени суммы ради победы русской армии и поражения Наполеона, императора всех французов?

1812 г. начался для французов, живущих в России, с известия о восстановлении в силе уже давно не исполнявшегося указа 1757 г., который обязывал всех домашних учителей аттестоваться, прежде чем поступать на службу в дом. В мае и июне того же года целый ряд французов, проживавших в Москве, попросили выдать им паспорта для того, чтобы

¹⁷ Пер. с фр. *Villefort Ysarn de*. Relation du séjour des Français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812, par un habitant de Moscou, suivi de divers documents relatifs à cet événement, le tout annoté et publié par A.Gadaruel (Ladrague). Bruxelles, 1871. P. 2.

¹⁸ Ср.: *Тартаковский А.Г.* Ук. соч.

¹⁹ «Те, которые выезжали с тем, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, действовали так вследствие того скрытого (latent) патриотизма...» и т.д. — *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 3. Ч. 3. Гл. 5.

²⁰ Кстати, французы оказались среди наиболее «щедрых», оставив позади многих русских жертвователей. Мы видели, что, по крайней мере, некоторые из них уже перешли — пусть и под нажимом чрезвычайных обстоятельств — в русское подданство. См.: *Шукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Шукиным. М., 1897. Ч. 2.

покинуть Россию, главным образом через Швецию. В их числе был режиссер французского театра в Москве Луи Арман Домерг (Louis Armand Domergue). Но многие паспортов не получили, и Домерг в их числе²¹. Французы, конечно, должны были чувствовать некоторую подозрительность к себе со стороны московских властей, московского обер-полицмейстера Ивашкина и генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина, которых охватила мания борьбы со шпионами. Когда летом 1812 г. в Москву прибыли несколько швейцарских купцов, граф Ростопчин приказал 3 июня «иметь за ними строгий надзор»²², потому что они, возможно, французские шпионы, скрывающиеся под видом купцов.

Иностранцы в Москве в это время, очевидно, боялись подвергнуться преследованиям со стороны властей, что подтверждается одним курьезным фактом: когда многие иностранцы получили приглашение явиться 12 июня в Московскую Думу для решения вопроса о сборе с московских граждан миллиона рублей на покупку волов для армии²³, пришли туда только трое из приглашенных, а именно Никола Обер (Aubert), Михаил Ланц и Яков Режолли (Reujoli)²⁴. Начиная с 1806 г. ненатурализовавшиеся иностранцы имели особый статус: чтобы продолжать жить в России, им необходимо было заручиться видом на жительство, действительным в течение 3 месяцев²⁵. А в июле граф Ростопчин подписал приказ о переписи всех иностранцев в Москве²⁶.

²¹ Шукин П.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 121–122.

²² Шукин П.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 59–60.

²³ 18 июня 1812 г. – Шукин П.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 110–112.

²⁴ Вот список именитых граждан по ученой части, получивших приглашение: Карл Лоонвань, Ситис Берг Мишле, Иосиф Пикари, Николай Обер, Иоган Фридрих Фрикман Копри, Яков Жакет, Лукьян Жеолли, Туса Александра Лиотрово, Петр Рема, Клауди Анжели, Иозеф Шово, Елизавета Жерардень, Аделаида Дельсаль, Иван Меранвиль, Феттер Карл Иосеф, Фома Пуньяни, Алексей Устинов Шпор, Дементий Албертаций, Анна Францова Экстен, Катерина Марабель, Петр Морель, Матвей Блюмер, Людвиг Тринзбергер, Христиан Ортлиб, Франциск Сенвер, Карл Иванов Поци, Филипп Сартори, Христина Нагаст, Жак Жорж Белей, Антон Касьянов Морини, Алексей Михайлов Гусятников, Михаил Иванович Ланц, Екатерина Рукинская, Настасья Рукинская, Софья Дюпое (Дюнойе?), Елизавета Трике, Филипп Вегелин, Яков Режолли, Иосиф Буже, Людвиг Адам, Луи Кюри, Тусен Лардалион. – Шукин П.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 112.

²⁵ Впоследствии, срок, похоже, был увеличен до 6 месяцев. Образчик такого документа есть в собрании П. Шукина: Шукин П.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 61: «Билет № 42 данный из Московской Управы Благочиния для свободного прожития от нижеписанного числа на 6 месяцев иностранке, которая именуется *Eulalie Chalmé*, подданная Франции, сословием бывшая надзирательница в Смольном девичьем монастыре, а ныне жена фабриканта, управлением никакого, живет при муже. Подпись ее руки: *Eulalie Chalmé*. Предъявительница сего, по силе Высочайшего указа 1806 г. ноября 28 дня, в Комиссии для разбора иностранных являлась в городе Москве. Билет сей возобновлен в Москве 1811 году июня 36-го дня. Дан вместо прежнего, полученного в 1810 г. под № 106. Московский обер-полицмейстер Ивашкин».

²⁶ Шукин П.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 67–68. К сожалению, мы не располагаем этими списками.

Этот, как и многие другие приказы генерал-губернатора, о которых пойдет речь далее, не были самодеятельностью: он применял в данном случае, наверное, с характерной для него суровостью, указ июля 1812 года, предписывавший произвести «разбор» (учет) всех иностранцев Империи для составления списков тех, кто внушал доверие: «Из иностранцев каждой губернии оставить тех только, в благонадежности коих начальник оной совершенно уверен и приемлет на себя точную ответственность в том, что они ни внушениями личными, ни переписками, или другими какими сношениями не могут подавать повода к нарушению спокойствия, или к совращению с пути порядка Российских подданных, о каковых иностранцах прислать министерству полиции немедленно списки, между тем, о тех из них, кои находятся в службе нашей, взять свидетельства от их начальств, в тех же отношениях, кои выше в сей статье означены, и свидетельства сии равномерно доставить Министерству Полиции, с замечаниями Начальников Губерний». Тех, кто доверие не внушал, должно было выдворить из Империи, либо сослать во внутренние губернии «тех из них, коих высылка сочтется по усмотрению Начальников Губерний неуместною по уважению, что они разглашениями своими в Иностранных Государствах, известных им внутренних наших положений и обстоятельств, могут подать повод к неблагоприятным или вредным для России последствиям»²⁷. Не подлежали «разбору» те иностранцы, которые уже перешли в подданство России. На каждого «разбираемого» иностранца заводилась карточка по установленной форме, в которой были следующие пункты: имя, жена, дети, нация, какого состояния (то есть сословия), имеет ли собственный дом, магазин, с какого времени в России, решение о его судьбе²⁸. Исполняя этот указ, принц Георгий Ольденбургский, Главный директор путей сообщения, приказал выслать сначала в Ярославль, а затем в Пошехонье и Иркутск четырех французских инженеров — Базена, Дестрема, Потье и Фабра, — присланных согласно достигнутому с Наполеоном договору для основания Института Корпуса инженеров путей сообщения. Вскоре и граф Ростопчин последовал его примеру.

27 июля произошло событие, известие о котором быстро распространилось в старой столице. Оно должно было тем быстрее дойти до членов колонии, что речь шла об их соотечественнике. В тот день французский повар, состоявший на службе у графа Ростопчина, некий Теодор Арно Турне (Tourneau), получил 25 (а по другим сведениям 20) ударов хлыстом и был выслан в Тобольск, в наказание за то, что сказал «наш импера-

²⁷ Шужин П.И. Указ. соч. Ч. 10. С. 369–370.

²⁸ Там же. С. 371.

тор», имея в виду Наполеона, от чего сам он отрекался²⁹. После войны московские французы все еще помнили об этом событии³⁰. О. Ладраг, возможно, со слов французов, бывших очевидцами наказания Турне, так описал происходившее: «Он был препровожден на Красную площадь, раздет, растянут на скамье и получил 25 ударов плетью. Прямо в своей рабочей одежде он был отправлен в Сибирь»³¹. Можно только догадываться о состоянии духа французов, не покинувших империю: разные слухи распространялись в колонии, головы были разгорячены известием о «казни Турне» и, вероятно, о еще более последовавшей вслед за тем кровавой расправе над Верещагиным³². Случаи эти были далеко не единственными. Также плетью были наказаны перед высылкой в Нерчинск иностранцы Токе (скорее всего француз) и Шнейдер, «за лживое прочтение, что Наполеон будет обедать в Москве 15 августа». За «дерзкие слова» были высланы «возмутители»: Овернер, Реут, Драголевский, Годфруа, Питинет, Паули, Молинье, Беттихер, Файод, Газо и т.д.³³ Как видим, даже если судить только по фамилиям, французы были в первых рядах сосланных. Не случайно Изарн де Вильфор в своих мемуарах, опубликованных после его смерти, употребляет, говоря об этом времени, выражение «прислушиваться к своим страхам»³⁴.

В конце августа 1812 г. несколько десятков иностранцев были арестованы в Москве властями и препровождены к ожидавшему их кораблю. Многие из арестованных были людьми известными³⁵. Впрочем,

²⁹ Турне был уроженцем Бельгии. Будучи франкоязычным, он был, конечно, «своим» во французском землячестве Москвы. Единственным выдвинутым против него обвинением было: «за внушения разного рода, клонящиеся к преклонению умов к французам». Он как будто бы провёл часть ссылки в Перми, а часть в Казани, где он и поселился, открыв кондитерский магазин, который пользовался большим успехом. Жена его вскоре приехала к нему в Казань. Турне умер в 1842 г., в возрасте 72 лет. Русский архив (Далее — РА). 1869. С. 1401 и т.д.; 1875. Т. 2. С. 396–398; Шукин П. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 23.

³⁰ Ср. например: *Villefort Ysarn de*. Op. cit. P. VIII. Изарн де Вильфор был свидетелем тех событий.

³¹ *Ibid*. P. 58–60.

³² См. подробное изложение этого эпизода: *Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. С. 36–38.

³³ *Федоров В. П.* Москва в эпоху Отечественной войны. Историческая мозаика. М., 1911. С. 7.

³⁴ *Ecouter des terreurs*. — *Villefort Ysarn de*. Op. cit. P. 2.

³⁵ Вот список арестованных, который приводит в своей книге Арман Домерг (*Domergue A. La Russie pendant les guerres de l'Empire*. P., 1835. Vol. 1. P. 256–257; поскольку Домерг привел только фамилии арестованных, мы дополняем его список сведениями из: [Предписания А. П. Тормасова московскому обер-полицмейстеру Ивашкину, 16 октября 1814 г.] // Шукин П. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 27–29; Морис Аллар (Allard), книгопродавец, Николай Обер-Шальме (Aubert-Chalmé), торговец, Иван Франц Оже (Auger), губернёр, Жан-Луи Арман (Armand), модный торговец, Луи Антуан Арман-Домерг (Armand-Domergue), режиссёр французского театра, Андрей Бекерс (Beckers), немец, модный торговец, Александр Демонси (Demonsy), модный торговец, Петр Дюграво (Dugraveau), губернёр, Николай Этьен (Estienne), губернёр, Людвиг Файо (Gayot), женевец, губернёр, Герсонни (Guersoni, по-видимому Ганрих Гарсон из официального спи-

положение этих лиц и было, по всей вероятности, главным критерием их отбора. Морис Аллар (Allart) содержал до войны один из книжных магазинов в Москве. Он был тесно связан с французским театром Москвы. Среди арестованных был и Луи Арман Домерг (Domergue), режиссер французского театра, и его заместитель, Роз (Rhoze). Огюст Семан (Seman) в это время еще вряд ли был широко известен в Москве. Он работал в книгопечатне Всеволожского. После войны Семан прославится как один из лучших русских типографов³⁶. Послевоенное письмо графа Ростопчина добавляет штрих – и немаловажный – к известной его нелюбви к французам. Он, в частности, объясняет в этом письме, что «Француз Семен, употребленный в типографии г. Всеволожского, человек хитрый и умный, принадлежит, так как и книгопродавец Аллар, к секте иллюминатов. Он покушался много раз завести ложу и, по найденным у него бумагам несколько лет назад, оказался человеком весьма злонамеренным против правительства, но дело сие, способом покровительства, осталось без дальнего следствия»³⁷. Что в данном случае граф при выборе кандидатов на ссылку руководствовался именно этим, доказывает и другое его июньское письмо 1812 г., адресованное императору, где говорилось: «Здесь есть два проповедника иллюминатства: один типографшик Семен, другой книгопродавец Алларт. Я поручил наблюдать за ними человеку весьма способному; но эти люди, также как и Мартинисты, игроки и все плуты высшего разряда, приутихли: они хотят узнать, как я буду управлять, чтобы определить потом и свой образ действий»³⁸. Среди других французов, посаженных на корабль,

ска), немец, еврей, учитель, Франсуа Жиле (Gilet), бывший карточный фабрикант, Франсуа Гут (Goutte), модный торговец, Георг Христиан Гейдер (Heider), швейцарец, купец, Томас Жако (Jacquot или Jacob), торговец перьями (по другой информации обойщик), Иван Ламираль (Lamiral), бывший балетмейстер русского театра, Михаил Латур (Latour), губернёр, Жозеф Карл Лоне (Launay), торговец алансонским кружевом, Карл де Лаво (Lavaux), художник, Петр Леруа (Leroi), губернёр, Василий Массон (Masson), немец, басист в оркестре русского театра, Массон (Masson, скорее всего тот же что и Жан Марион), учитель фехтования, Конрад Мейер (Meuer), немец, дерптский 1-й гильдии купец, Петр Монтань (Montagne), купец, отошедший от дел, Лаврентий Морисо (Moriceau, по другим сведениям Морино), преподаватель латыни, Семен Мортье (Mortier), учитель фехтования, Иван Палю (Palu, по другим сведениям Полю), губернёр, Филипп Паоли (Paoli), немец, торговец винами, Мишель Андрий Пивер (Pivert), литейщик по бронзе, Николай Франц Рено (Renaud, по другим сведениям Рене), губернёр, Яков Рей-Жоли (Rey-Joli или Reujoli), губернёр, Петр Роз (Rhoze), помощник режиссера французского театра, Веньямин Сент-Агат (Sainte-Agathe), губернёр, Петр де Сен-Венсан (Saint-Vincent), губернёр, Луи Сеги (Segui, он же Сею), портной, Август Рене Семэн (Semaine), типографшик, Доменик Жозеф Тубо (Toubo), фабрикант французского табака, Каспар Вебер (Weber), швейцарец, купец, Иван Вилуэн (Viloing), повар, Самуил Ямниц (Yamnitz), немец, доктор.

³⁶ Семан был уроженцем Люневилля, города, многие уроженцы которого эмигрировали в Россию.

³⁷ Модзалевский Б. Л. Август Иванович Семан. СПб., 1903. С. 5.

³⁸ [Письмо графа Ростопчина к императору от 7-го июня 1812 г.] // РА, 1875. Т. 2. С. 277.

нужно назвать французских купцов, уже много лет живших в Москве, таких как Гут (Goutte) или Демонси (Demonsy). Список арестованных должен был быть больше на шесть человек, но остальных не было возможности арестовать по причине их отсутствия в Москве или тяжелой болезни³⁹.

Лекуэнт де Лаво пишет, что арест произошел в ночь на 31 августа и что арестованных продержали под стражей три дня в каком-то частном доме, а потом повели к лодке⁴⁰. По официальным сведениям, эти люди были арестованы 21 августа, собраны в Яузской части в доме графа Безбородко. Им прочли послание графа Ростопчина, позволили взять деньги, платье и белье и сдали на барку квартальному надзирателю Иванову. В путешествии их должны были сопровождать унтер-офицер и десять рядовых московского гарнизонного полка, на содержание которых было выделено 1000 рублей⁴¹. А. Домерг утверждает в своей книге, что рядом с их лодкой находились три другие, предназначенные для будущих жертв, но «приближение французов не позволило губернатору Москвы продолжить аресты»⁴². Согласно официальным данным, правда, никаких других лодок не было предусмотрено. Домерг пишет, что французы не знали, какая судьба их ожидала, их несчастные жены следовали за ними. Когда арестованные уже были посажены на корабль, им зачитали прокламацию (хотя, по официальным документам, это, кажется, произошло в доме Безбородко), сочиненную самим графом Ростопчиным. В ней, в частности, говорилось: «Французы, Россия дала вам пристанище, а вы не переставали строить козни против нее. С тем чтобы избежать смертоубийства и не запачкать страницы нашей истории подражанием вашему отвратительному революционному бешенству, правительство считает себя вынужденным удалить вас. Вы покидаете Европу, вы отправляетесь в Азию, вы будете жить среди гостеприимного, верного своим клятвам народа, который слишком презирает вас, чтобы трогать вас; постарайтесь стать там хорошими подданными, поскольку вам не удастся заразить его вашими дурными принципами... Сядьте в лодку, соберитесь с мыслями и постарайтесь не превратить ее в

³⁹ [Копия с донесения московского обер-полицмейстера графу Ф.В. Ростопчину, 25 августа 1812 г.] // *Шукин П.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 203: Блонден выехал в Санкт-Петербург, Шарне в Казань, Перру находился в Голицынской больнице на излечении, Бено в Каширском уезде в деревне г-жи Лихаревой, шевалье Блинель он же Дейнинг был в Калуге, некий аббат, живший у г-жи Грибоедовой, выехал вместе с нею в деревню.

⁴⁰ [*Lecointe de Laveau G.*] *Moscou avant et après l'incendie.* P., 1814. P. 104.

⁴¹ [Копия с предписания московского обер-полицмейстера полицмейстеру 2-го отделения, 21 августа 1812 г.] [Копия с предписания Московского обер-полицмейстера квартальному надзирателю Иванову, 21 августа 1812 г.] // *Шукин П.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 203.

⁴² *Domergue A.* *La Russie...* Vol. 1. P. 259.

лодку Карона»⁴³. Арман Домерг не оставил этот текст без комментария: «Предоставим читателю оценить эту жалкую игру слов [речь идет о фразе «*entrez dans la barque, rentrez en vous-même*». — В.Р.], обстоятельства, в которых их употребляли, наконец, внушающую сомнение и тревогу туманность этих путаных фраз»⁴⁴. Все французы, посаженные на этот корабль, прибыли целыми и невредимыми в Нижний Новгород, где они оставались до 1814 г., когда им были выданы билеты для возвращения в Москву или Санкт-Петербург⁴⁵. Они должны были, тем не менее, оставаться под присмотром полиции⁴⁶. Из сорока сосланных десять заявили более или менее уверенно о намерении покинуть Россию, остальные остались, по большей части, в Москве⁴⁷.

После войны эту акцию зачастую объясняли стремлением уберечь французов от народного гнева, который в скорбный момент сдачи Москвы неприятелю мог обрушиться на их головы. Именно так трактовал эти события, например, автор одного путеводителя по Москве: «Московский Градоначальник, дорожа честью Русских и не желая, чтобы и в самых крайних обстоятельствах первопрестольной столицы, народ предался какому-нибудь излишеству, он решился заблаговременно удалить некоторых Французов, живших в Москве»⁴⁸. Но, понятно, совсем иначе это виделось в августе 1812 г. Французы, скорее всего, восприняли это как акт возмездия или взятие заложников, и вряд ли кому-то из них пришло в голову в тот момент благодарить московского генерал-губернатора за проявленную о них заботу. Уже после войны в весьма русофильском, верноподданническом произведении о Москве до и после пожара мо-

⁴³ В оригинале по-французски: «*Français, La Russie vous a donné asile, et vous n'avez cessé de faire des vœux contre elle. C'est pour éviter un massacre, et ne pas salir les pages de notre histoire par l'imitation de vos infernales fureurs révolutionnaires, que le gouvernement se voit obligé de vous éloigner. Vous quittez l'Europe; vous allez en Asie; vous vivrez au milieu d'un peuple hospitalier, fidèle à ses serments, et qui vous méprise trop pour vous faire du mal... tâchez d'y devenir bons sujets, car vous ne parviendrez point à l'infecter de vos mauvais principes... Entrez dans la barque ..., rentrez en vous-mêmes, et tâchez de n'en pas faire une barque à Caron...*». — Ibid. P. 259.

⁴⁴ Ibid. P. 259.

⁴⁵ *Шукин П.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 27–29.

⁴⁶ «Предоставить на волю остаться в России или отправиться за границу и, отбрав от тех, кои пожелают остаться в России, сведения, где именно они расположены основать свое жилище и потом Начальникам Губерний предписать, дабы они не упускали из виду поведения их». — [Предписание А.П. Тормасова московскому обер-полицмейстеру Ивашкину, 22 октября 1814 г.] // *Шукин П.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 29.

⁴⁷ Ведомость, учиненная по предписанию Его Высочайшего Превосходительства Г. Главного командующего в Москве и кавалера Александра Петровича Тормасова, возвратившимся из Нижнего Новгорода в сию столицу иностранцам, с показанием объявленного ими желания остаться в России, или из оной выехать, куда именно, значит ниже сего // *Шукин П.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 30–32.

⁴⁸ Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. М., 1827. Т. 1. С. 238.

сковский француз Ж. Лекуэнт де Лаво не искал, тем не менее, другого оправдания действиям графа Ростопчина, кроме следования примеру тех же французов, которые арестовали англичан в момент объявления войны Англии. И именно слово «заложники» он и употребляет по отношению к арестованным французам⁴⁹.

Эта акция стала широко известна благодаря мемуарным свидетельствам, но она была весьма характерна для действий властей в то время. В Петербурге, тоже в августе, иностранцев выслали либо за границу, либо во внутренние пределы империи: полицией был составлен внушительный список из 108 «подозрительных иностранцев», из которых, по крайней мере, 10 высланы в Казань, Оренбург, Тобольск, Томск, почти все они – французы⁵⁰.

Французы слишком долго пользовались в Москве относительно выгодным положением, чтобы желать потерять его. Они хотели стабильности, чтобы, как и раньше, в обстановке спокойствия и безопасности, пользоваться благосклонностью москвичей. Но чем ближе был Наполеон, тем чаще вспоминали, что «русские французы» говорили на том же языке, что и «новый Тамерлан». Французы-москвичи должны были отдавать себе отчет, насколько приближение наполеоновской армии было для них опасным. Не это ли лучше всего объясняет щедрые пожертвования, сделанные французскими купцами для русской армии: они, безусловно, были движимы желанием деньгами подтвердить свою лояльность. Но не забудем также и о присутствии в Москве французских эмигрантов эпохи Революции 1789 г. Убежденные роялисты, конечно, не могли радоваться успехам Наполеона. Так Изарн де Вильфор, кавалер ордена Святого Людовика, при известии об отступлении русской армии и сдаче Москвы Наполеону, как он сам писал в мемуарах после войны, был «готов заплатить своею жизнью, когда наступит нужный момент», и стал «ждать катастрофы». И, будучи эмигрантом и живя в Москве уже немало лет, он добавлял многозначительно: «Горький опыт научил меня, что тот, кто оставляет родину, теряет ее; речи не было о том, чтобы прислушиваться к своим страхам и думать о своей выгоде; мое дело было остаться, и я остался»⁵¹. Итак, де Вильфор, разясняя свое решение остаться в Москве, начисто отрицает какие-то материальные мотивы, как, например, желание защитить свою недвижимость. Напротив, он довольно ясно заявляет о верности принявшей его стране и таковую полагает единственной причиной своего решения остаться в осажденной Москве. Конечно, автор знал об исходе войны, когда он писал эти строки.

⁴⁹ [*Lecoinge de Laveau G.*] Op. cit. P. 104.

⁵⁰ Война 1812 года и русское общество... С. 320–334.

⁵¹ *Villefort Ysarn de.* Op. cit. P. 2.

Если многие иностранцы, как нам это известно⁵², действительно остались в Москве во время оккупации оной французами, то на то были, конечно, причины, думается, во многом несходные с теми, что толкнули Вильфора на этот шаг. С одной стороны, их удерживала озабоченность судьбой своего имущества, которое им хотелось защитить от разграбления: многие иностранцы, в том числе французы, владели большой недвижимостью в Москве⁵³. 30 сентября, когда французы уже были в городе, Пьер Дюшен (Duchêne) обратился к французским властям с тем, чтобы получить документ, удостоверяющий, что его магазин был разграблен и сожжен. 4 октября другой француз Жан Дюпон (Dupont), лишившийся заемных писем на сумму 8100 рублей, обратился к ним же⁵⁴. Мари-Роз Обер-Шальме (Aubert-Chalmé), удостоенная аудиенции Наполеоном во время оккупации Москвы французами, умоляла его о двух вещах: обеспечить будущее ее сыновей⁵⁵ и защитить ее от преследований европейских кредиторов, которым она была должна 270 000 рублей, в то время как обстоятельства обрекали ее на потерю дома, магазина и ценностей на сумму 540 000 рублей⁵⁶.

Но главная причина состояла, вероятно, в общем для всех иностранцев ощущении, что война была закончена, что русские потерпели поражение. Трудно было так не думать в момент, когда войска непобедимого Наполеона входили в древнюю столицу царей.

Первые дни оккупации Москвы были ужасны для французов, оставшихся в городе. Страшный пожар, охвативший Москву, быстро приблизился к району Лубянки и Кузнецкому мосту, где жили многие из них и где находилась католическая церковь. Французский священник церкви Св. Людовика аббат Сюрюг так описал эти дни:

Пожар продолжал опустошать город: Тверская вся была в огне, и огонь начал охватывать Никитскую; часть Покровки также была во власти пламени, когда ветер, поднявшийся с северо-запада, ускорил невероятно продвижение огня... В четверг 5 числа западный ветер продолжал дуть с той же свирепостью, что и накануне, и принес тучи огня

⁵² *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 356–379.

⁵³ Ср.: *Rjéoutski V.* La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // *Revue des Etudes Slaves.* 1996. LXVIII/4. P. 445–461.

⁵⁴ *Клочков М.В.* Муниципалитет и комиссары, учрежденные французами в 1812 г. // *РА,* 1864. С. 582–607.

⁵⁵ Их у нее было двое. Они останутся в Москве после отступления французов. Один из них уедет во Францию в 1850 г., после увольнения с поста директора Театральной гимназии в Петербурге, другой женится и проживет остаток жизни в Москве. Среди его многочисленных потомков следует отметить известного скульптора-анималиста, академика.

⁵⁶ См. копии двух писем, отправленных М.-Р. Обер-Шальме Наполеону в 1812 году: ОР РНБ. Ф. 859. К.6. №10. Л. 36.

со Сретенки на Мещанскую и на Трубу, и захватил в том же вихре часть Мясницкой... Несчастные обитатели Слободы, преследуемые повсюду пламенем, были вынуждены спасаться на кладбищах, расположенных за военным госпиталем, и даже там они не чувствовали себя в безопасности. Видя этих несчастных, их бледные лица, полные отчаяния, среди могил, освещенных отблесками пламени, казалось, будто видишь призраков, вышедших из своих могил. В церкви Св. Людовика царило оцепенение; все несчастные, скрывшиеся в ее ограде, со свертком в руке, смирившись со своей судьбой, подходили ко мне, чтобы получить отпущение грехов... Церковь Св. Людовика, которая сгорела бы дотла от одной искры, была сохранена чудесной защитой Провидения⁵⁷.

Одновременно продолжалось разграбление, и для грабителей, как правило, не имела значения национальность их жертвы. «Не было никакой разницы между французом и русским, иностранцем и соотечественником, всех грабили самым безобразным образом»⁵⁸. Изарн де Вильфор натывается на французских солдат, которые «бросаются на меня, часы, деньги, сапоги, у меня все отнимают, мне дают пару дурных сапог, в которые я едва могу втиснуть ноги, и говорят, что я могу быть счастлив, что мне оставили шютрук»⁵⁹. Когда жертвы заявляли о своей национальности, чаще всего им отвечали: «Мне наплевать, что вы французы; что вы делаете здесь? Только французские [пропущено грубое слово. — *V.P.*] не с нами, вы эмигранты»⁶⁰. Другие свидетели тех событий подтверждают эти слова: «Во время разграбления Москвы один солдат обнаружил подвал, в котором укрылась французская семья. Желая поживиться, он бросается туда, не желая признать соотечественниками несчастных, укрывшихся там, он забирает у них все, что у них есть. У жены оставалось еще ее обручальное кольцо: на коленях упрашивала она варвара, обобравшего ее до нитки; ничто не поколебало его, и он угрожал отрезать ей палец, если только кольцо не будет отдано ему немедленно». В другом месте французский солдат отбирает шубу у француженки, еще один отбирает все деньги — 5000 рублей — у французского купца и т.д.⁶¹ Де Вильфор так вспоминает об этих днях: «Мы встречались, не узнавая друг друга, настолько несчастье всех переменяло»⁶².

Аббат Сюрюг прибыл в Россию в конце XVIII в., сначала в Санкт-Петербург, куда его пригласил аббат Николь, основатель известного учеб-

⁵⁷ *Surrugue A.* Les Français à Moscou en 1812. Moscou. P. 34–35.

⁵⁸ *Ibid.* P. 30.

⁵⁹ *Villefort Y. de.* Op. cit. P. 21.

⁶⁰ *Ibid.* P. 25.

⁶¹ [*Lecoainte de Laveau G.*] Op. cit. P. 125–127.

⁶² *Villefort J.* Op. cit. P. 31.

ного заведения, в котором обучались отпрыски лучших семей империи, а преподавателями были католические священники-эмигранты. Сюрюг был в их числе. Вскоре он перебрался в Москву, где стал воспитателем в доме графа А. Мусина-Пушкина, обер-прокурора Священного Синода, первооткрывателя «Слова о полку Игореве». Он много лет оставался на службе у этой семьи, и его отношения с Мусиными-Пушкиными были самыми сердечными⁶³. В 1807 г. он был «избран кюре по принятым правилам собравшимися прихожанами, утвержден 17 октября 1807 г. и облечен властью»⁶⁴. В довоенное время аббат близко сошелся с семьей графа Ростопчина, и супруга графа, по свидетельствам современников, даже причащалась у него. Граф и все его семейство нередко заходили в дом французскую церковь Св. Людовика, рядом с которой находился их дом (зады дома выходили на Малую Лубянку, напротив здания церкви). Сюрюг был рад такому знакомству: «Кто постигнет пути Господни? — писал он. — Я живу в близком соседстве с графиней Ростопчиной, которая уже предваряла меня о желании часто видеться со мною. Разсуждения наши о вере и церкви не истощаются... Она посылает своего сына на проповедь в нашу церковь Св. Людовика. Граф также иногда бывает с ней. Вы видите, что соседство не упущено»⁶⁵. Сюрюг умер в Москве в ноябре 1812 г. Очевидно, что аббат на протяжении многих лет был хорошо знаком с французским землячеством Москвы и не мог не знать, в каком щекотливом положении оно находилось в это время. Сюрюг отклонил предложение, сделанное ему французскими властями, уехать обратно во Францию. Кроме того, он будто бы и во время оккупации продолжал поминать императора Александра I в церковной службе. Эти жесты не могут не привлечь внимание. Они свидетельствуют, похоже, что аббат не верил в окончание войны, в отличие от многих своих соотечественников. На нем лежала тем большая ответственность, что его действия как священника французской церкви, конечно, могли быть интерпретированы как позиция русских французов вообще. Без сомнений, он думал и об образе католической церкви в России. Столь близкое знакомство с семьей генерал-губернатора Москвы также, вероятно, наложило отпечаток на его позицию: любой знак нелояльности с его стороны обратил бы на себя внимание графа.

Стремление избежать поступков, которые могли бы скомпрометировать их в глазах русских властей, прослеживается в действиях многих фран-

⁶³ О чем можно судить по резюме уничтоженной переписки этой семьи, сделанному исследовательницей Сосниной-Пуцилло. Я благодарю И. В. Сахарова, предоставившего в мое распоряжение этот документ, хранящийся в его личном архиве.

⁶⁴ *Surrugue A.* Op. cit. P. 8, préface du R.P. Libercier, curé de St.Louis des Français.

⁶⁵ РА. 1875. Т. 2. С. 278–279.

цузов в это время. В доказательство чего можно привести многочислен- ные попытки французов избежать контактов с французскими властями. Так шевалье Изарн де Вильфор рассказывает в своих мемуарах историю француза-москвича, которого французские военные пытались использо- вать в качестве посредника и проводника. «Тот, чрезвычайно смущенный этим заданием, пытается уклониться от него, но тщетно. Эта история и тысяча других подобных решили судьбу многих иностранцев, оставших- ся в Москве; они посчитали себя скомпрометированными отношениями, которых им не удалось избежать, и по этой причине неразумно приняли их [наполеоновских войск] сторону»⁶⁶, — заключил шевалье. Подобную же историю рассказывали и о Клоде Юэ (Huet), работавшем в типографии Всеволожского, родственнике того Семана, которого сослали в Нижний Новгород по приказу графа Ростопчина. Поскольку Юэ публиковал лис- товки для французской армии и состоял одно время в городской полиции, организованной французами в Москве, он счел себя достаточно скомпро- метированным, чтобы решиться уйти из Москвы вместе с французской армией. Но в первый же день ограбленный французскими солдатами, он вернулся обратно и не испытал серьезных неприятностей после войны⁶⁷.

Вскоре после вступления французов в Москву генерал-майор Мон- тион (Montion) отдал приказ найти подходящее здание для московских французов. Одновременно было решено составить списки французских обитателей древней столицы с тем, чтобы их можно было привлечь на службу⁶⁸. Вот как описывает процесс создания муниципалитета в осажденном городе очевидец тех событий Ж. Лекуэнт де Лаво: «Хотели поручить некоторым из них [французов. — *В.Р.*] снабжение корпией больниц, другие должны были найти средства добыть пропитание, следить за под- держанием порядка и в особенности гасить местные пожары, вспыхивав- шие время от времени. Но каждый был занят своими личными нужда- ми, и никто не хотел выполнять различные предлагаемые поручения»⁶⁹. Французов для этого собрали по приказу маршала Мортье, назначен- ного главнокомандующим Москвы и московской провинции. Было два заседания, «где много говорили, где записали имена всех иностранцев, ничего не решив»⁷⁰. Гражданским губернатором города или интендантом был назначен Лессепс, бывший генеральный консул Франции в Петер- бурге, а военным комендантом города — генерал Мило.

⁶⁶ *Villefort Ysarn de*. Op. cit. P. 5—6.

⁶⁷ *Ibid*. P. 68—69; PA. 1869. Т.1. С.1456—1457. Об этой типографии и другом французе, работавшем в ней, некоем Ламуре (Lamour), см.: *Понов А.К.* Французы в Москве в 1812 году // PA, 1876. Т.1. С. 241.

⁶⁸ РНБ. ОР. Коллекция Сильдера. Ф. 859. К. 6. № 10. Л. 34—35.

⁶⁹ [*Le Comte de Laveau G.*] Op. cit. P. 113.

⁷⁰ *Ibid*. P. 113.

В конце концов, московские французы приняли настойчивые предложения французского командования, намеревавшегося создать в Москве муниципалитет. Французов в московском муниципалитете и московской полиции было не менее двадцати⁷¹. Многие из этих «склоненных» к сотрудничеству с оккупационными властями все потеряли в результате пожара и разграбления Москвы. Для многих из них паек, гарантированный членам муниципалитета, был едва ли не единственной надеждой выжить в трудное время. Так, некий Паланж, после того как мародеры разграбили его дом, одиннадцать дней провел «в полях» со своей семьей. Изнуренный голодом, он обратился к коменданту города, чтобы попросить хлеба, и его адресовали к г-ну Виллеру (Villers). Виллер был преподавателем Московского университета и содержал частный образовательный пансион в Москве. С приходом французов в Москву он принял предложение возглавить городскую полицию. Под «его давлением и страдая от голода», Паланж и согласился стать комиссаром полиции. Еще один член муниципалитета, некий Фабр (Fabre), «в жалком состоянии, ограбленный и побитый», был подобран монахом, который и спас его. Мерсан был препровожден к Виллеру под конвоем и согласился стать членом муниципалитета «под давлением Виллера». Наконец Лассан (Lassan), француз, хотя и уроженец Дрездена, поступил на службу в муниципалитет «частью будучи к тому принужденным, а частью из-за обмана»⁷².

Некоторые члены муниципалитета утверждали впоследствии, что их под страхом смерти заставили согласиться на эту работу, и, как показывает В.Н. Земцов, элемент принуждения, безусловно, был⁷³. В то же время отказ от сотрудничества с французскими властями и от участия в работе созданного ими муниципалитета не влек за собой серьезных последствий. Так, 24 сентября Лессепс (Lesseps) назначил Буржуа (Bourgeois) на место Лабата (Labat), который принял решение подать в отставку. 3 октября Лардилион (L'Ardillion) «требуя своей отставки»⁷⁴. Муниципалитет был сформирован, но с большим трудом: кандидаты постоянно отказывались.

Такая несговорчивость со стороны французов объясняется, скорее всего, опасением за последствия подобного огласия в случае возвращения русских. Конечно, нельзя не допустить, что некоторые отказались из

⁷¹ Киселев Н.С. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 году // РА. 1868. № 6. Стб. 890; Росписание особам, составлявшим французское правление или муниципалитет в Москве 1812 года // РА. 1864. Стб. 411–415.

⁷² Клочков М.В. Указ. соч. С. 604.

⁷³ См. такие примеры в цитированном произведении В.Н. Земцова. С. 52–53.

⁷⁴ Клочков М.В. Указ. соч. С. 588.

принципа: рассматривая Россию как страну, давшую им приют или даже как свою новую родину, многие московские французы посчитали предательством сотрудничество со своими соотечественниками, пришедшими сюда как завоеватели. Так Ж. Лекуэнт де Лаво напишет после войны в предисловии к своему «Путеводителю по Москве»: «Мне хотелось бы думать, что в этом сочинении увидят не дерзкое произведение иностранца, а знак признательности гостеприимному городу, где он обрел вторую родину»⁷⁵.

«Инструкция», составленная Лессепсом и утвержденная маршалом Мортье 12 сентября, обозначила следующие приоритетные цели для муниципалитета: 1. Расположение войск по квартирам. 2. Снабжение города продовольствием. 3. Надзор над госпиталем. 4. Изыскание помощи бедным. 5. Содержание дорог, улиц и мостов. 6. Общая безопасность и спокойствие. 7. «Наказательная полиция» и мирное содействие. 8. Попечение о мастеровых, какой бы нации они ни были, собрание их и назначение места, где они смогли бы свободно заниматься своим ремеслом. 9. Присмотр над тем, чтобы церкви были почитаемы. 10. Изыскание средств и обеспечение жителей продовольствием. 11. Облегчение страданий жителей, уменьшение беспокойства, оказание помощи, ободрение на будущее и возвращение «доверия, которое есть единственное средство к услаждению их участи»⁷⁶. А 17 сентября были учреждены шесть основных отделений муниципалитета, которые возглавили товарищи Городского головы купца Петра Находкина. Дорогами и мостами заведовал француз Дюлон (Dulong), ремесленниками француз Менье (Ménin ?), госпитальями и богослужением Коробов, размещением войск иностранец Фракман, безопасностью и правосудием иностранец Крок (Krook), наконец, продовольствием для бедных и попечением о них Бестужев-Рюмин⁷⁷. Среди комиссаров городской полиции было еще больше иностранцев, и по большей части французов: полицмейстерами были назначены Виллер (Villers) и Пижо, оба французы, а среди двадцати комиссаров на двадцать частей города встречаем такие имена, как Морель (Morel), Фабр (Fabre), Купе (Coupey), Род (Roede или Rhode), Визар (Visard), Прево (Prévo), Реми (Rémy), Лассан (Lassan), Лаланс, Юэ (Huet), Данкур, Мерсан, Марк (Marc), Дроз (Droz), Бушот (Bouchotte), Паланж (Palange), все французы⁷⁸.

⁷⁵ «J'aime à penser que de loin d'y voir une production téméraire de la part d'un étranger, on n'y cherchera qu'un monument de sa reconnaissance pour une ville hospitalière où il a rencontré une seconde patrie». — [Le Cointe de Laveau G.] Op. cit. P. IV.

⁷⁶ Клочков М.В. Указ. соч. С. 584–585. См. также изложение истории создания муниципалитета в книге В.Н. Земцова.

⁷⁷ Ibid. С. 589–590.

⁷⁸ Ibid. С. 602–603.

Чем занимались члены муниципалитета и комиссары? Осматривали подведомственную им территорию, проводили расследования по жалобам оставшихся в Москве жителей, боролись с притеснениями, которые те терпели со стороны солдат, хоронили мертвых и т.д. Вот несколько цитат из их отчетов. Данкур писал 19 сентября: «Я освидетельствовал 17 домов в Хамовниках, изъятых из огня, с показанием имени каждого хозяина». Визар, тогда же, 19 сентября: «В Мясницкой части, кроме домов, остались целы две аптеки, одна на Покровке, другая – на Лубянке», «почти вся часть очищена от мертвых тел и падших лошадей, которые у одной находились»⁷⁹.

А в это время «то ли для того, чтобы успокоить армию химерами, то ли чтобы запугать жителей и, таким образом, Россию, только распространяли слух, что следующей осенью Бонапарта будет такой же сильной и хорошо вооруженной, как во время вступления в Россию». И шевалье д'Изарн продолжал: «Все эти глупые рассказы внушали людям доверчивым уверенность в успех Бонапарта [...] Следуя всем этим предположениям, оставалось только искать спасения в стане французов»⁸⁰. Итак, слова очевидца тех событий, пусть сказанные после войны, также как и известные нам попытки со стороны московских французов избежать контактов с французскими оккупационными властями, подтверждают, что землячество не сразу пошло на сотрудничество с завоевателями. Многих толкнули на этот шаг голод, нищета, растущая уверенность в том, что война окончена.

К концу осени прошел слух, что французская армия готова была покинуть Москву. Французские власти заверяли население, что в городе останется корпус в 15 000 человек. «Тем не менее, это был удар грома для всех тех, кто скомпрометировал себя, уверовав в счастливую звезду Бонапарта. Они, как и все те, кто подчинялся страху, решили, что их гибель неминуема, если они останутся в городе до возвращения казаков»⁸¹. Наполеон ушел, оставив в Москве скромный корпус, задачей которого была охрана города до, якобы, возвращения основных французских сил. Кажется, что эта ложь никого из иностранцев не обманула, ибо некоторое количество их последовало за войсками. Те французы, которые остались в Москве, были убеждены, что все эти несчастные погибли при отступлении французской армии. О. Ладраг, француз, приехавший в Москву

⁷⁹ Ключков М.В. Указ. соч. С. 607.

⁸⁰ « Soit pour bercer l'armée de chimères, soit pour épouvanter les habitants et par eux la Russie, on répandait le bruit... qu'au printemps prochain, l'armée de Bonaparte serait aussi forte et aussi bien montée qu'à son entrée en Russie ». « Tous ces sots propos en imposaient à des gens confiants dans la fortune de Bonaparte... D'après toutes ces suppositions, il ne restait plus qu'à chercher son salut près des Français ». – *Villefort Ysarn de*. Op. cit. P. 32–33.

⁸¹ *Villefort Ysarn de*. Op. cit. P. 36.

гораздо позже, в 1840-х гг., слышал немало историй о злключениях тех беглецов. «Я слышал часто действительно невероятные рассказы... Их страдания превзошли, если это возможно, страдания наших солдат [Ладраг, только что эмигрировавший, имеет в виду, конечно, французских солдат. — *В.Р.*]. Подумать только, что среди всего этого множества людей были в основном женщины, дети и старики!»⁸²

Многие ли московские французы покинули Москву? Единственный источник, которым мы располагаем сегодня для ответа на этот вопрос, — это список, составленный по приказу графа Ростопчина после возвращения русских войск в Москву⁸³. Нет, конечно, уверенности, что этот список исчерпывающий. В нем всего 71 человек, включая и детей. Только 15 человек названы французами, но при сравнении имен с другими известными нам источниками, такими как материалы переписей, опубликованные Н. Найденовым, список французов, приносивших присягу в 1793 г., объявления в газете «Московские Ведомости» и т.д., можно утверждать, что приблизительно 50–52 человека, включая и детей, были французами. Среди них Елизавета Ламераль, жена учителя танцев, которая оставила в Москве свой дом с 27 покоях и павильончик в три комнаты. Жан Пейрон, торговец музыкальными инструментами, проживавший в доме княгини Варвары Шаховской, которой он остался должен 375 рублей. Известная купчиха Мари-Роз Обер-Шальме (*Aubert-Chalmé*), которая оставила свой дом⁸⁴ со всей мебелью, вещами, несколькими книгами и бюстом Наполеона, мебель ее была продана на аукционе за 34 892 рубля, кроме того, она оставила в доме ценные бумаги на общую сумму 764 547 рублей. Кроме них, было еще несколько торговцев и гувернеры, например, Шарль Лассан. Лассан был членом муниципалитета, учрежденного французами. Помимо него в списках оставивших Москву французов мы найдем только двух членов городского правления: Ивана Мореля и Леонара Бурна. Логически рассуждая, следовало бы ожидать, что работавшие в муниципалитете и полиции московские французы, скомпрометировав себя сотрудничеством с неприятелем, первыми должны были покинуть Москву. Но как обстоятельства их вступления в члены муниципалитета, так и характер их деятельности, которая сводилась, в сущности, к поддержанию гигиены в Москве и заботе об оставшихся в ней жителях, позволяли им, вероятно, не считать себя виновными.

Во всяком случае, именно это обстоятельство было принято в рассуждение Правительствующим Сенатом, который осудил только одиннадцать

⁸² Примечания О. Ладрага к тексту И. де Вильфора: *Villefort Ysam de*. Op. cit. P. 36.

⁸³ *Щукин П.И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 35–38.

⁸⁴ Ее дети, после длительного судебного разбирательства, вернут себе права на этот дом.

московских французов. Паланж и Реми за распространение прокламаций неприятеля были лишены дворянского достоинства, которое они получили в России, и сосланы в Тобольск. Бушот, высказавший идею «принять меры» против русских раненых и военнопленных, был приговорен к каторге в Сибири. Комиссары Фабер, Жан Визар и Лаланс, склонявшие жителей к работе в полиции и поставке продовольствия неприятелю, были приговорены к выдворению из пределов империи. Еще несколько иностранцев, в основном французов, хотя и не были уличены в предательстве, но за участие в органах временного управления во время оккупации были приговорены к выдворению из империи. Наконец Виллер (или Виллерс), лектор Московского университета, секретарь Общества натуралистов, исполнявший с ревностью должность полицмейстера во время оккупации, был также приговорен к ссылке. Но даже многие осужденные были в результате освобождены от наказания, либо наказание было смягчено⁸⁵. Например, Виллер был, в конце концов, выслан из Империи⁸⁶.

* * *

Итак, сопоставление хронологии событий, имевших место в Москве в 1812 г., официальных документов, списков и т.д. с мемуарными свидетельствами московских французов, позволяет сделать выводы о доминантном умонастроении во французской колонии в это время: о представлениях французов о соотношении сил противников, о перспективах войны, о колонии в ее отношении к власти предрежающим, коренному населению и французскому оккупационному корпусу.

Накануне оккупации Москвы ряд мер, принятых в отношении французов по приказу генерал-губернатора Москвы Ростопчина, способствовали оформлению в общественном сознании москвичей образа врага. Живущие в Москве французы оказались также частью жертвами этого образа.

Многие московские французы не покинули Москвы при вступлении в нее войск Наполеона. Причинами тому видятся, с одной стороны, желание защитить от разграбления свое имущество, с другой — растущая уверенность московских французов в том, что война была окончена. Но эта уверенность, конечно, не могла быть абсолютной, что объясняет желание многих из них участвовать в организуемых новыми властями органах местного управления.

Тем не менее значительное количество их вошло в органы временно-го управления. Мы наблюдаем два разных типа отношения членов колонии к факту сотрудничества московских французов с завоевателями:

⁸⁵ *Villefort Ysarn de*. Op. cit. P. 102–103, 107–108; РНБ. ОР. Ф.859. К.6. № 10. Л. 46 и т.д.

⁸⁶ *Liste des étrangers renvoyés hors les frontières de l'Empire depuis 1812, avec défense d'y rentrer*. [S.l., s.d.]

боязнь репрессий в случае возвращения русских у одних и отсутствие чувства вины у других, вероятно, тех, кто представлял свою деятельность под началом новой власти как чисто «гуманитарную» работу, которая не должна была, по их мнению, быть поставлена им в вину.

Это был конец большого и важного этапа в жизни французского землячества в Москве. Конец скорее трагический, причины чего кроются в самой природе французской колонии. Землячество частью состояло из французов, покинувших Францию во время революционных событий конца XVIII в. и сохранявших в полной мере культурную привязанность к своей родине. Но при своей организованности вокруг французской католической церкви и (до его закрытия) вице-консульства, старая колония, колония дореволюционного времени, сохраняла свое «национальное самосознание» на протяжении жизни нескольких поколений вплоть до войны 1812 г. Не интегрировавшись полностью в русское общество, «русские французы» не могли решительно встать на сторону принявшей их страны, для большинства из них их судьба и судьба России не были неразрывно связаны. Однако важно отметить, что те семьи, которые давно проживали в Москве (такие, как Ларме, Дельсаль, Форсевиль, Готье, Мартен, Доррер, Лаво и т.д.), не скомпрометировали себя во время оккупации участием в организованных французскими войсками органах временного управления Москвой.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>